

УДК 801.42+81'38=111

**МЕТОДИКА ЭКСПЛИКАЦИИ АРХЕТИПОВ, ВОПЛОЩЕННЫХ В
АМЕРИКАНСКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ**

Л.И. Белехова (Херсон, Украина)

Л.И. Белехова. Методика экспликации архетипов, воплощенных в американских поэтических текстах. В статье в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистики разработана методика анализа представляющая собой последовательность когнитивных операций и процедур извлечения смыслов

Ключевые слова: архетип

Л.І. Белєхова. Методика експлікації архетипів, втілених в американських поетичних текстах. У статті запропонована методика

Ключові слова: архетип, когнітивні операції,

L.I. Bieliekhova. Methodology of explicating archetypes embodied in American poetic texts. This article suggests the methodology of explicating archetypes embodied in poetic texts, elaborated in the framework of cognitive and discourse paradigm of linguistics. The methodology consists of the sequence of cognitive operations intended on revealing the mechanisms of formation of archetypal verbal poetic images and establishing a set of interpretative strategies of their functioning in a poetic text, which ensure elucidation of its novel and hidden senses.

Key words: archetype, cognitive operation, verbal poetic image, mechanism of formation, interpretive strategies, hidden senses.

Постановка проблемы. Теоретической предпосылкой выбора проблематики исследования послужила дискуссия на международной конференции в Кардиффе (Downscaling Culture: Revisiting Intercultural Communication, Cardiff University, Great Britain, 18-19 September 2014), относительно роли и места архетипов в порождении и осмыслении культурной и этнокультурной информации, характера взаимодействия рационального и иррационального в лингвокреативной деятельности автора и читателя при порождении и интерпретации текста.

Всплеск интереса к раскрытию механизмов лингвокреативной деятельности, основанной не только на рациональных способах мышления, но и на иррациональных: интуиции, воображении, фантазии, связанных с предкатегориальной деятельностью человека в освоении мира, – определяет актуальность статьи. Предкатегоризация – это установление предконцептуальной основы исследуемых языковых фактов [], мыслительная деятельность, базирующаяся на интуиции и когнитивных операциях декодирования эмоциогенного предзнания, активируемого архетипами,

сигналами которых в поэтическом тексте выступают воплощенные в словесной ткани архетипические символы.

Понятие “архетип”, разработанное К.Г. Юнгом в 1919 году, прочно вошло в парадигму современного научного знания. По мнению С.С. Аверинцева, архетипы не что иное, как эйдосы Платона в психике бессознательного, и ещё до К.Г. Юнга П.А. Флоренский пользовался термином “схемы человеческого духа” применительно к анализу предконцептуальной основы образов христианской мифологии [Аверинцев 1972: 27]. В XIX веке А.Н. Веселовский указывал на решающее значение для поэтического языка отстоявшихся формул, корнями уходящих в культовое мышление, в народное творчество, в память человечества [Веселовский 1989: 295]. Сегодня говорят, что архетипы – это эмоциональный след в эйдетической памяти человека [Шаховский 2012:]. В мире нет ни одной существенной идеи либо воззрения без их исторических праобразов, и все они восходят в конечном счете к лежащим в их основании “архетипическим праформам” [Юнг 1991: 121].

На языке современной когнитологии архетипы К. Юнга можно назвать предконцептуальной основой для формирования структур представления знаний. Вероятно, это генетически наиболее древние формы мышления, вносящие свой вклад в адекватную обработку информации человеком. Важно подчеркнуть, что архетип представляет собой не ту или иную семантическую конструкцию, а априорно-когнитивное условие её формирования. В этом смысле архетипы есть чистая направленность мышления, базовый уровень ментальности человека, в котором весь опыт природной (докультурной) самоорганизации снят в виде этих самых смыслообразующих направленностей (предконцептуальных моделей структурирования). Архетипы коллективного бессознательного можно рассматривать как своеобразные когнитивные образы, на которые ориентируется человек в своем инстинктивном поведении: интуитивное схватывание архетипов предшествует любому его действию, “спускает курок” инстинктивного поведения человека; это – когнитивная структура, в которой в краткой форме записан родовой опыт [Руткевич 1998: 38].

К. Юнг сравнивал архетипы с системой осей кристалла, которая преформирует кристалл в растворе, будучи неким невещественным полем, распределяющим частицы вещества [Юнг 1991: 234]. В психике таким “веществом” является внешний и внутренний опыт человека, организуемый согласно врожденным образам [17, 74; 15, 39- 46]. В чистом виде архетип не входит в сознание, он всегда соединяется с какими-то представлениями человеческого опыта и подвергается сознательной обработке. Ближе всего к собственно архетипу стоят архетипические образы сознания, проявляющиеся в сновидениях, галлюцинациях. Это путаные, темные образы, воспринимаемые как что-то жуткое, чуждое, но в тоже время переживаемое как нечто бесконечно превосходящее человека, божественное, нуминозное. Встреча с

ними вызывает сильные эмоции, ведет к трансформации индивидуального сознания [Юнг 1997: 66, 67].

Способами проявленности архетипов бессознательного являются религия, мифы, легенды, сказки, поэзия [11, 18]. В этих культурных формах происходит постепенная шлифовка путанных и жутких образов, они трансформируются в темы, сюжеты, символы, все более совершенные по форме и всеобъемлющие по содержанию [Фрай 1996: 113-117].

Неоднозначность трактовок и разнообразие подходов к архетипическому образу как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях [см, напр.: Мелетинский 1995; Маслова 1997; Нямцу 1992; Слухай 1996; Топоров 1995; Bodkin 1934; Campbell 1988; Fry 1957], амбивалентность понятия архетипа и необходимость его лингвокогнитивного анализа как основы словесного поэтического образа обуславливает **актуальность** исследования. В статье предпринимается попытка уточнения и разграничения понятий психологического архетипа как коллективного бессознательного по К.Г. Юнгу и культурного архетипа как базисного элемента культуры, формирующего нравственные императивы духовной жизни, а также архетипического словесного образа как лингвокогнитивного текстового конструкта. Обоснование такого разграничения осуществляется путем изучения эволюции взглядов на понятие архетипа и выявления списка или каталога архетипов, используемых в художественной практике, на основе анализа работ, посвященных архетипическим образам, темам и сюжетам. Основная **цель** исследования – разработка методики извлечения архетипических смыслов в стихотворных текстах американской поэзии, обеспечивающей более глубокое проникновение в содержание поэтического текста и выявление его новых и скрытых смыслов. Объектом исследования являются архетипические словесные образы, предметом –

К истории изучения архетипов. Учитывая хронологию и характер эволюции взглядов на понятие архетипа, в истории его изучения, выделяем пять основных направлений: *антропологическое* [Фрэзер 1911 (перевод 1983); Ackerman 1991; Benedict 1934; Block 1952; Eliade 1969], *психологическое* [Jung 1923; Campbell 1988; Jones 1979; Pratt 1981;], *литературоведческое* [Bodkin 1934, 1951; Frye 1957, 1996; Нямцу 1992], *культурлогическое* [Маслова 1997; Мелетинский 1995; Топоров 1995] и *лингвистическое* [Топорова 1994;].

Первой к понятию архетипа обратилась антропология, в частности Кембриджская школа сравнительной антропологии Джеймса Фрэзера и его последователей: Уильяма Батлера, Гилберта Меррея, Джона Харрисона и др. Поставив своей целью собрать мифы и ритуалы различных культур с тем, чтобы выявить в них фундаментальные сходства, Дж. Фрэзер в своей «Золотой ветви» представил архетипические параллели сюжета Нового Завета и христианской мистериальной обрядности [Фрэзер 1983]. Описанные Фрэзером мифы и обряды привлекли внимание не только этнографов, но и писателей

благодаря драматической проблематике человеческого страдания как пути к смерти и обновлению, параллелизму между жизнью человека и природы, цикличности, соответствующей представлению о вечном круговороте в природе и человеческом существовании [Мелетинский 1995: 33]. Исследования Кембриджской школы стимулировали литературоведов к поиску архетипов в художественных текстах. Так, например, в знаменитом стихотворении Т.Элиота “The Waste Land” Х. Блок выявил архетип чаши Святого Грааля [Block 1952: 116]. Концептуальные импликации (*поиск смысла жизни, стремление к возвышенному, к постижению истины*), составляющие содержание этого архетипа, проявляются в основных темах рыцарских баллад средневековья, культов плодородия в Древней Греции и даже прослеживаются в древних индийских ведах [Askerman 1991: 116].

Психологическая школа ввела термин архетип, дав объяснение его природы и проведя грань между архетипом и инстинктом, архетипом и символом Юнг 1997: 57; что в дальнейшем послужило основой изучения рационального и иррационального в мышлении человека. По мнению К.Г. Юнга у поэтов имеется интуиция, далеко превосходящая сознательный ум. Они улавливают праформы коллективного бессознательного спонтанно и благодаря необыкновенной фантазии и воображения транслируют их в поэтический текст (). Коллективное бессознательное – это родовая память человечества, оно присуще всем людям, передается по наследству, служит основой индивидуальной психики и ее культурного своеобразия [Юнг 1991: 122; Юнг 1996-а: 148]. Иными словами, архетипы коллективного бессознательного – это познавательные модели и образы. Они всегда сопровождают человека и являются источником мифологии и поэзии [Юнг 1997: 60-64, 90-98].

Представители литературоведческого направления наметили пути изучения проявления архетипов в мифологии, фольклоре, религиозных писаниях и художественной литературе, очертив круг наиболее распространенных архетипических тем, сюжетов, персонажей символов и дав толчок к изучению архетипа как явления познавательной и лингвокреативной деятельности человека. Поэтому предметом исследования архетипов в лингвистическом ракурсе стали способы их словесного оформления в художественных текстах () лингвокогнитивные механизмы их воплощения в поэзии ().

Базовыми ориентирами исследования художественной семантики в когнитивной поэтике являются **креативность** когнитивных процессов в создании новых смыслов путем концептуальной интеграции (рациональный аспект эмергентных структур) и эмотивного резонанса, который базируется на иконичности (эмоциональный аспект эмергентных структур) (О.П.Воробьева), **доминирование когнитивного бессознательного**, предопределяющего предкатегориальную обработку информации (R.Tsur).

Классификация архетипов. Систематизация взглядов К.Г. Юнга и его последователей на природу архетипа как коллективного бессознательного и архетипического образа как проявленного сознания позволяет очертить круг архетипов и разделить их на психологические и культурные. В свете

когнитивной лингвистики психологические архетипы представляют собой результат эмоционального опыта человечества. Это – предконцептуальные структуры, довербальные концептуальные импликации, определенный набор которых составляет содержание того или иного архетипа. К психологическим относим следующие, выявленные в работах представителей различных направлений, архетипы: Самость, Эго, Тень, Дух, Анима, Анимус, Мать/Женщина, Свет, Тьма, Огонь, Вода, Земля, Воздух, Море, Ориентация, Регенерация или Трансформация [Юнг 1991: 93-95, 109, 112, 123, 124, 126, 139, 145-148; Юнг 1997: 422; Маслова 1997: 108, 169; Топоров 1995: 577]. Психологический архетип сам по себе пуст, формален, это только возможность представления, данная a priori [Юнг 1996-б: 216], его содержание – свернутые знания, скорее предзнания, данные от рождения [1988: 97], “психофизиологический компонент человека, его пренатальное сознание” [Топоров 1995: 577].

Культурный архетип – это сознательно переработанный психологический архетип в суждениях и оценках индивидуумов. Его содержание составляют концептуальные признаки, которые проявляются через соотнесение с мифом, религиозным учением, сказкой и, наконец, с литературным произведением, в частности с поэтическими образами. Анализ работ вышеназванных авторов позволил составить каталог культурных архетипов, включающих архетипы Троицы, Богородицы/Мадонны, Персоны/Маски, Героя/Трикстера, Вечного Странника, Мирового Древа, Мирового Яйца, Мудрого Старца/Старухи, Жизни, Смерти, Развития, Метаморфозы и т. д. Если список психологических архетипов более или менее очерчен, то каталог культурных архетипов может быть дополнен. Говорят, например, об архетипе Золушке, Гамлете, имея в виду концептуальные признаки этих образов, проявляющиеся при описании того, или иного персонажа художественного произведения [].

Для уяснения различий между психологическими и культурными архетипами необходимо обратить внимание на следующие моменты: 1) психологический архетип – это форма коллективного бессознательного, результат эмоционального опыта человеческого рода, его генетическая память, в которой хранится эмоциональный след освоения им мира.

2) Все архетипы амбивалентны [Юнг 1991: 123], то есть в их содержании заложена энантиосемия различных импликационных признаков. Например, в архетипе Вода содержатся концептуальные импликации жизни и смерти, возрождения, очищения и гибели.

3) Культурный архетип – результат культурно-исторического опыта человечества. Его содержание представляют концептуальные признаки типического в культуре. Так, типичное для человека *стремление к поиску истины* заключено в содержании культурного архетипа Бога, Концептуальные признаки архетипа Трикстера: *жажда приключений, конфликтность, ёрничение, плутовство* – воплощены в художественных образах шутов.

4) Различие состоит и в назывании имени архетипа. Психологический архетип, как правило, употребляется в именительном падеже: архетип Огонь, Свет, а культурный – в родительном: архетип Богоматери или Мадонны. Культурные архетипы активируются фоновыми и энциклопедическими знаниями читателя.

Культурные архетипы выступают в качестве спонтанно действующих устойчивых структур обработки, хранения и репрезентации коллективного культурно-исторического опыта. Среди них можно выделить универсальные и этнокультурные архетипы. Сохраняя и репродуцируя коллективный опыт культурогенеза, универсальные культурные архетипы обеспечивают преемственность и единство общекультурного развития.

Этнокультурные архетипы представляют собой константы национальной духовности, выражающие и закрепляющие основополагающие свойства этноса как культурной ценности. В каждой национальной культуре доминируют свои этнокультурные архетипы, существенным образом определяющие особенности мировоззрения, характера художественного творчества и исторической судьбы народа. В германской духовности К.Юнг выделяет архетипический образ Вотана – “наиболее истинное выражение и непревзойденное олицетворение того фундаментального качества, которое присуще немцам” [Юнг 1996-а: 389]. Согласно К.Юнгу, актуализация архетипа есть шаг в прошлое», возвращение к архаическим качествам духовности [Юнг 1991: 108], однако усиление архетипического может быть и проекцией в будущее, ибо этнокультурные архетипы выражают не только опыт прошлого, но и чаяния будущего, мечту народа [Забияко 1998: 39].

Методика анализа архетипических образов в поэтическом тексте. Архетип сам по себе еще не является образом, это только эмоциогенное предзнание, концептуальные импликации, вызванные бессознательной реакцией первобытного человека на тайные силы природы, неспособностью человека объяснить причину эмоционального состояния, обусловленного окружающей действительностью [Юнг 1997: 64, 90-98]. Аксиомой современной науки является признание единства и взаимодействия эмоции и когниции [Daneš 1987: 180]. Познание сопровождается эмоциями, в свою очередь, эмоции мотивируют познание [Шаховский 2009: 672]. Категоризация эмоций, концептуализация эмоционального опыта человека формирует, по В. И. Шаховскому, “внутренний эмоциональный лексикон”, который воспринимается как обязательная часть сложной структуры знаний, представленных в сознании [Шаховский 1997: 132].

В контексте нашей работы внутренний эмоциональный лексикон учитывается при описании компонентов предконцептуальной структуры словесного образа в виде схемных образов архетипов как форматов представления знаний о них. В целом методика экспликации архетипов и их смыслов, воплощаемых в поэтическом тексте, состоит из нескольких этапов,

включающих ряд когнитивных операций и процедур по обработке семантики поэтического текста и интерпретационных стратегий его прочтения.

Первый этап – идентификация архетипов и моделирование его схемного образа – включает ряд автоматических и сознательных операций, направленных на активирование, активацию и активизацию знаний об архетипических признаках, воплощенных в семантике номинативных единиц поэтического текста. Этот этап предполагает осведомленность читателя/интерпретатора с теорией архетипов, их классификацией и содержанием, а также с основным положением когнитивной теории образности, заключающимся в трактовке словесного поэтического образа как лингвокогнитивного текстового конструкту, трехмерной величины, инкорпорирующей предконцептуальную, концептуальную и вербальную ипостаси [Белехова 2002: 7]. Предконцептуальную ипостась словесного поэтического образа формируют концептуальные импликации архетипов, лежащих в его основе и являющихся ядром образа. Такое понимание ядра словесного образа согласуется с понятием образ-схем Дж. Лакоффа [] и М.Джонсона [].

В тексте актуализируется не все содержание архетипа, а лишь некоторые его концептуальные импликации и признаки. Сигналами активирования архетипа в сознании читателя выступают лексические единицы в составе словесных поэтических образов, синонимичные имени архетипа. Дальнейшая активация архетипических признаков осуществляется путем анализа словарных дефиниций лексем-сигналов с привлечением этимологических словарей.

Методика описания образ-схем или схемных образов разработана в когнитивной лингвистике [см. напр.: Lakoff, Johnson 1999: 161-164; Жаботинская 2002; 2009; Потапенко 2004: 20-24]. Используя эту методику с некоторыми модификациями, мы предлагаем метаязык семантического описания образ-схем архетипов и базовых концептов в терминах семантических узлов или слотов, содержащих информацию о физическом или эмоциональном опыте, структурных элементах, выражающих внутренний эмоциональный лексикон, и базовой логике. С помощью слота “*физический опыт*” описывается телесный опыт человека, в результате которого признаки, свойства и качества предметов, явлений и событий становятся компонентами значений концепта и используются в номинативной деятельности. Слот “*эмоциональный опыт*” заполняется описанием лингвокогнитивных процедур активации эмоциогенного знания в формировании предконцептуальной структуры словесного образа. Слот “*внутренний эмоциональный лексикон*” содержит набор концептуальных признаков, присущих базовому концепту и концептуальные импликации, активируемые архетипами. В слоте “*базовая логика*” объясняется логика связей и отношений между концептуальными признаками концепта и физическим опытом человека.

Описание предконцептуальной структуры представим на примере словесного поэтического образа Э. Паунда “*a new day glistens in the old day's room*” (Pound NA, 987). Основой приведенного словесно-поэтического образа

выступает базовый концепт области источника ВМЕСТИЛИЩЕ и архетип СВЕТ. В слоте “внутренний эмоциональный лексикон” архетипа СВЕТ содержатся следующие концептуальные импликации: *причастность к космосу бытия, стремление к возвышенному, стремление к познанию сути бытия, стремление к знаниям, ощущение радости, вдохновение, ожидание лучшего, ощущение жизненной энергии, чистоты, величия, вечности мироздания*. В словесном поэтическом образе объективируются лишь некоторые импликации – *ощущение радости, вдохновение, ожидание лучшего*, что и составляет его смысл. Из образ-схемы базового концепта ВМЕСТИЛИЩЕ в словесном образе реализуется лишь концептуальный признак *помещение вовнутрь*, воплощенный вербально в предлоге *in*, и признак *ограниченное пространство*, который актуализируется в семантике слова *room*.

Концептуальная ипостась является когнитивным кодом СПО, отражающим обобщенное **содержание** СПО. Формирование концептуальной ипостаси СПО осуществляется через лингвокогнитивные трансформации образ-схем областей источника и цели (source and target domain) на базе различных видов поэтического осмысления с помощью лингвокогнитивных операций картирования (mapping) и лингвокогнитивных процедур расширения, обобщения, перспективизации, компрессии, сталкивания, комбинации и интертекстуализации (див. G.Lakoff, M.Johnson, G.Fauconnier, M.Turner, A.Cienky, J.Grady).

Второй этап направлен на выявление средств формирования и особенностей функционирования архетипических словесных поэтических образов в текстах американской поэзии и связан с установлением стратегии *освоения образного пространства* поэтического текста. Образное пространство – это совокупность различных словесно-поэтических образов. В образном пространстве американской поэзии выделяются архетипные, стереотипные, идиотипные и кенотипные СПО на основе комплекса критериев, разработанных в работе с учетом их функционального, семантического, синтаксического и когнитивного параметров. Ведущим оказывается *когнитивный критерий*, учитывающий типы знаний, опредмеченных в словесной ткани образов. Архетипные СПО воплощают эмоционально нагруженные *предзнания и знания фольклора, библейских и мифологических сюжетов*, стереотипные образы – аксиологически окрашенные *знания о мире* вообще, а для создания новых СПО, идиотипов и кенотипов, кроме знания о мире необходимо привлечение *знаний о языке*, о возможностях манипулирования языковыми сущностями в рамках лингвистической и поэтической компетенции автора и читателя.

Следует различать понятия “архетип” и “архетипический словесный образ”. Архетип, вернее, отдельные его концептуальные импликации, служат основой любого словесного образа, это его внутренняя форма по А.А. Потебне. Архетипические словесные образы отображают фрагменты мифопоэтической картины мира. Они классифицируются нами на образы-сюжеты и образы-символы, в которых путем нарративного картирования воплощаются

мифологические, библейские и фольклорные знания о мире.

Архетипические словесные поэтические образы-сюжеты выполняют *познавательно-творческую* функцию, поскольку, отображая известные, архаические сюжеты и мотивы, активизируют фоновые, культурно-энциклопедические знания читателей и тем самым доставляют удовольствие от прочтения текста.

Архетипические образы-символы характеризуются *суггестивной* функцией, создавая эмоциональное напряжение, ведущее к замедлению обработки информации. Например, для осмысления словесного образа “*Life is a bowl of cherries*” (Sandburg CP: 660) – “*Жизнь – это чаша с вишнями*” – необходимо знание содержания символов в англосаксонской и скандинавской традициях, где *вишня*, также как и *яблоко*, символизируют *плоды познания добра и зла, дары* [Холл 1997: 43]. Незнание символов приводит к неоднозначным интерпретациям. Как правило, тексты, в которых есть архетипические образы, воплощающие общеизвестные сюжеты и глобальные символы, способствуют прототипическому прочтению. В то время как тексты, содержащие этнокультурные словесные образы, требуют непрототипического прочтения. **Степень экспликации** смысла таких образов зависит от фоновых и энциклопедических знаний читателя.

Архетипные словесные поэтические образы-сюжеты выполняют **познавательно-творческую** функцию, поскольку отображая мифопоэтическую картину мира, способствуют активизации фоновых, культурно-энциклопедических знаний. Например: “*Elija rode up into the sky in a chariot of fire*” (Sandburg) – “*Илья вознесся на небо в колеснице огня*”.

Ядром архетипов является *мифологема*. Развертывание мифологема осуществляется путем нарративного картирования через параболическое осмысление сюжетов, мотивов и символов, содержащиеся в Библии, мифах и шедеврах мировой культуры. Маркерами архетипных образов служат имена собственные и цитации из названных источников, используемые поэтами в качестве стилистического приема аллюзии. Так, в СПО: “*Mother Marie Theresa / Like Proserpina, who fell / Six months a year from earth to flower in hell*” (Lowell) – образ Матери Терезы создаётся при помощи аллюзии на архетипный сюжет о римской богине растительности Прозерпины, аналога греческой богини Персефоны, которая символизирует ежегодное возрождение природы, плодovitость, доброту и благотворительность.

Нарративное картирование архетипного сюжета предполагает его проецирование на СПО как в неизменном, так и перефразированном виде. Так, например, Г. Лонгфеллоу пользуется прямой цитацией из Библии “*Life is real! Life is earnest! / And the grave is not its goal; / **Dust thou art to dust returnest,** / Was not spoken of the soul*” (Longfellow). А в СПО К. Сэндберга цитации из Библии адаптированы к современному английскому языку: “*Dust to dust, and ashes to ashes and then an old silence and a useless silence*” (Sandburg) и используются

для создания иронии: *“In the poolrooms the young hear, “Ashes to ashes, dust to dust, If the women don’t get you then the whisky must”* (Sandburg).

известному стихотворению Р. Фроста Огонь и лед, подвергнутому неоднократным интерпретациям.

*Some say the world will end in fire,
Some say in ice.
From what I’ve tasted of desire
I hold with those who favour fire.
But if it had to perish twice,
I think I know enough of hate
To say that for destruction ice
Is also great
And would suffice.*

(Frost OB: 567)

1. Юнг К.–Г. Душа и миф: Шесть архетипов : Пер. с англ. / Юнг К.–Г. ; пер. с англ. – К. : Гос. библиотека Украины для юношества, 1996-а. – 324 с.
2. Юнг К.–Г. Человек и его символы / Юнг К.–Г. ; пер. с англ. – СПб. : Б.С.К., 1996-б. – 646 с.
3. Юнг К.–Г. Сознание и бессознательное / Юнг К.–Г. ; пер. с англ. – СПб. : Университетская книга, 1997. – 544 с.
- 4.
5. Campbell J. The Inner Reaches of Outer Space: Metaphor as Myth and as Religion / Campbell J. – N. Y., Toronto: Harper and Row Publishers, 1988. – 286 p.
6. Daneš F. Cognition and emotion in discourse interaction: A preliminary survey of the field / F. Daneš // Proceedings of the Fourteenth International Congress of Linguists : [ed. by W. Barner, J. Schmidt, D. Viehweger]. – Berlin, 1987. – P. 168–179.
7. Eco U. Interpretation and Overinterpretation / Eco U. – Cambridge, N.Y., Sydney: Cambridge University Press, 1992. – 152 p.
8. Fauconnier G. Mappings in Thought and Language / Fauconnier G. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 205 p.
9. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language / Fauconnier G. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 190 p.
10. Fauconnier G. The dark matters of semantics / G. Fauconnier // 4-th Cognitive Linguistics Conference (London, King’s College, 10-12th July, 2012) : Book of Abstracts. – London, 2012. – P.1.
11. Fauconnier G. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind’s Hidden Complexities / G. Fauconnier, M. Turner. – N.Y. : Basic Books, 2002. – 440 p.
12. Freeman M. Emily Dickinson and the discourse of intimacy / M. Freeman //

- Semantics of Silence in Language and Literature : [ed. by G. Grabher, U. Jessner]. – Heidelberg, 1996. – P. 191–210.
13. Freeman M. Metaphor making meaning: Dickinson's conceptual universe // *Journal of Pragmatics*. – 1995. – № 24. – P. 643–666.
 14. Freeman M. Poetry and the scope of metaphor: Toward a cognitive theory of literature / M. Freeman // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective*. – Berlin, N.Y., 2000. – P. 253– 283.
 15. Frost R. Dust of Snow. el. ref. режим доступа: <http://www.poemofquotes.com/R.Frost.Dust.of.Snow.php>. analysis. 2012
 16. Frye N. The realistic oreole: A study of Wallace Stevens /N. Frye // *Modern Poetry: Essays in Criticism* : [ed. by J. Hollander]. – Oxford, 1968. – P. 267–284.
 17. Gibbs R. W., Jr. Process and products in making sense of tropes/ Gibbs R. W. // *Metaphor and Thought* : [ed. by A. Ortony]. – Cambridge, 1993. – P. 252–276.
 18. Kövecses Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture and Body in Human Feeling / Kövecses Z. – Cambridge : Maison des Science de L'Homme and Cambridge University Press, 2000. – 224 p.
 19. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor / G. Lakoff // *Metaphor and Thought* [ed. by A. Ortony]. – Cambridge, 1993. – P. 202–251.
 20. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal About the Mind / Lakoff G. – Chicago : The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
 21. Lakoff G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M Johnson. – Chicago : Chicago University Press, 1980. – 242 p.
 22. Lakoff G. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought / G. Lakoff, M. Johnson. – N. Y. : Basic Books, 1999. – 624 p.
 23. Lakoff G. More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor / G. Lakoff, M. Turner. – Chicago : The University of Chicago Press, 1989. – 230 p.
 24. Ljungberg Ch. Models of Reading: Diagrammatic Aspects of Literary Texts / Ch. Ljungberg // *Journal of Literary Semantics: An International Review*. – 2006. – Vol. 35-1. – P. 105–128.
 25. Miall D.S. Beyond Interpretation: The Cognitive Significance of Reading / D.S. Miall // *Journal of Literary Semantics : An International Review. Journal of Literary Semantics: An International Review*. – 2006. – Vol. 35-1. – P. 129–155.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Философский энциклопедический словарь / [ред. С.С. Аверинцев]. – М. : Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.
2. Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве / Холл Дж. : пер. с англ. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. – 656 с.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. **ВАР** – The Best American Poetry 1995 / [ed. by R. Howard]. – N.Y.; L.;

- Toronto, etc.: A Touchstone Book, Publ. by Simon & Shuster, 1996. – 303 p.
2. **Frost CP** – Frost R. Complete Poems of Robert Frost. – N.Y. : Holt, Rinehart and Winston, 1962. – 666 p.
 3. **Levertov P** – Levertov D. Poems 1968-1972. – N.Y. : New Directions Publishing Corporation, 1987. – 259 p.
 4. **MV** – The Pocket Book: Modern Verse / [ed. by O. Williams]. – N.Y. : Washington Square Press, Inc., 1958. – 635 p.
 5. **NA** – The Norton Anthology of American Literature: Third Edition – N.Y., L. : W.W. Norton & Company, 1989. – 2856 p.
 6. **OB** – The Oxford Book of American Verse – N. Y. : Oxford University Press, 1950. – 1132 p.
 7. **PA** – The Postmoderns: The New American Poetry Revised / [ed. by D. Allen and G. F. Butterick]. – N.Y.: Grove Weidenfeld, 1982. – 436 p.
 8. **Sandburg CP** – Sandburg C. The Complete Poems / Sandburg C. – San-Diego; N. Y.; L.: Harcourt Brace Jovanovich Publishers, 1970. – 797 p.

Белехова Лариса Ивановна – доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры английского языка и методики его преподавания,
Херсонского государственного университета;
e-mail lorabelehova@mail.ru

, состоявшейся 18-19 сентября 2014 в Великобритании, в Кардифском университете